

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 1. С. 162–174.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2024. Vol. 26, no. 1. P. 162–174.

Научная статья

УДК 336.027

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-1/162-174>

СТАНОВЛЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О КРИМИНАЛЬНОМ БАНКРОТСТВЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ПРАВЕ РОССИИ

Илья Николаевич Русяев

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия,
manager@rusyaev.com

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы нормативного регулирования банкротства. На основе анализа нормативных правовых актов определено смысловое значение, заложенное в понятие криминального банкротства. Рассмотрен вопрос, связанный с определением особого места признаков банкротства при определении состава преступления. Проанализированы точки зрения видных ученых по данному вопросу. Наглядно продемонстрирован генезис преступлений, связанных с процедурой банкротства, с учетом изначально заложенного иного смысла, нежели на данный момент. В ходе исследования определена и обоснована позиция, касающаяся бессистемного развития отечественного законодательства о криминальном банкротстве в XVIII– начале XIX вв. и несоответствии в значительной степени потребностям складывающейся правоприменительной практики.

Ключевые слова: экономическая деятельность, банкротство, несостоятельность, конкурсное производство, имущество

Для цитирования: Русяев И.Н. Становление законодательства о криминальном банкротстве в дореволюционном праве России // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 1. 162–174.

Original article

THE FORMATION OF LEGISLATION ABOUT CRIMINAL BANKRUPTCY IN THE PRE-REVOLUTIONARY LAW OF RUSSIA

Ица N. Rusyaev

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia, manager@rusyaev.com

Abstract. The article discusses the problems of regulatory regulation of bankruptcy. Based on the analysis of regulatory legal acts, the semantic meaning inherent in the concept of criminal bankruptcy is determined. The issue related to the definition of a special place of bankruptcy signs in determining the corpus delicti is considered. The points of view of prominent scientists on this issue are analyzed. The genesis of crimes related to the bankruptcy procedure is clearly demonstrated, taking into account the originally laid down meaning other than at the moment. In the course of the study, the position regarding the haphazard development of domestic legislation on criminal bankruptcy in the XVIII– early XIX centuries and the discrepancy to a large extent with the needs of emerging law enforcement practice is determined and justified.

Keywords: economic activity, bankruptcy, insolvency, bankruptcy proceedings, property.

For citation: Rusyaev I.N. The formation of legislation on criminal bankruptcy in pre-revolutionary law of Russia. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 1, pp. 162–174. (In Russ.).

Становление нормативного регулирования банкротства приходится на XVIII–XIX вв. Именно в это время в Российской империи активно развивались экономика и социальная сфера, иностранное законодательство интегрировалось в отечественное правовое поле. В первой половине XVIII в. были приняты несколько законов, в которых рассматривались вопросы несостоятельности и конкурсного производства: Устав о таможенном словесном суде 1727 г., Вексельный устав 1729 г. и др. Однако надо иметь в виду, что до 1740 г. ни один из них не определял общий порядок и процедуру взыскания долгов с несостоятельных должников и не содержал уголовно-правовых запретов в сфере несостоятельности [1].

В связи с этим начиная с 1735 г. по Указу императрицы Анны Иоанновны президентом Коммерц-коллегии бароном Менгденом разрабатывался проект Устава о банкротях («Банкротский Устав»), который был принят 15 декабря 1740 г. Документ был утвержден Кабинетом министров и получил статус закона, но из-за конфликтных

отношений между Правительством и Сенатом не был опубликован, несколько позднее он был включен в Полное собрание законов Российской империи [2].

Хотя Устав влиял на позицию судов при рассмотрении дел о банкротстве [3, с. 67], он не нашел активного применения, поскольку, во-первых, содержал большое количество противоречивых, недостаточно апробированных положений, которые не могли применяться в России из-за несоответствия «состоянию торговли и ее учреждений» [3, с. 68]; во-вторых, во многом копировал западноевропейское законодательство, не отвечал отечественным обычаям делового оборота и практике хозяйственной деятельности того периода.

Следует отметить чрезвычайно жесткие меры репрессии, которые были установлены в нормах об уголовной ответственности. Так, статьей 14 Устава о банкротах 1740 г. предусматривалось наказание в виде смертной казни через повешение для должников, совершивших злостное банкротство в форме «обманства». В свою очередь, ст. 22 Устава устанавливала уголовную ответственность за неправомерные действия с вновь нажитым имуществом во время конкурса в форме утаивания или удовлетворения имущественных требований отдельных кредиторов в ущерб другим.

Должник, совершивший такие действия, злостным банкротом не признавался, к нему применялось наказание в виде ссылки на каторгу. Непонятно, по каким причинам для должников-банкротов устанавливались такие крайне жесткие виды уголовного наказания? К примеру, ни до этого, ни в последующих нормативных правовых актах, регламентировавших уголовную ответственность за криминальное банкротство, смертная казнь не предусматривалась.

Последующие попытки урегулировать конкурсные отношения также нельзя назвать удачными. Разработка уставов о банкротстве, предпринятая в 1753, 1763, 1768 гг., осуществлялась в условиях практически полного отсутствия так называемого базового законодательства о несостоятельности [4]. Данные нормативные акты частично копировали европейское право, частично воспроизводили переработанные предписания Устава 1840 г., слабо востребованные практикой, и в результате не были приняты Сенатом.

Устав о банкротах 1800 г. [5] явился новым этапом правового регулирования отношений в сфере несостоятельности (банкротства), положения которого достаточно четко регламентировали как механизм признания банкротом, так и последствия несостоятельности. Устав различал неосторожную и умышленную несостоятельность, безвинная же банкротством не признавалась.

Криминальным банкротством признавались действия, связанные с торговой несостоятельностью:

1) выдача подложных векселей, расписок, «поступных» писем (документ, являющийся разновидностью частной купчей или дарственной [6]), иных обязательств,

изменение существующих обязательств с целью имущественных выплат в ущерб кредиторам после усмотрения неминуемого банкротства (ст. 104 Устава);

2) удовлетворение требований отдельных кредиторов в ущерб требованиям иных кредиторов или утаивание имущества или требований должника на чужое имущество (ст. 138 Устава).

Таким образом, Устав о банкротях, явившийся первым официально принятым нормативным актом, регулирующим все процедуры хозяйственной несостоятельности, устанавливал ответственность, в том числе и уголовную, за неправомерные действия при банкротстве в форме уменьшения активов предприятия, сокрытия имущества или своих требований на имущество, а также увеличения пассивов – выдачи подложных векселей, расписок и т.д. [7]

Устав 1800 г. был достаточно хорошо воспринят доктриной и широко применялся на практике, поскольку закрыл серьезные бреши в правовом регулировании института несостоятельности, которые создавали проблемы в развитии отечественной экономики и хозяйственного уклада. Однако по истечению нескольких десятилетий многие положения документа стали устаревать. В России активно развивался промышленный капитализм, значительно выросли объемы внутренней и внешней торговли, что требовало дальнейшего совершенствования правового регулирования экономической деятельности. В результате к 1832 г. был разработан и принят Устав о торговой несостоятельности. Фактически документ заменил собою часть первую Устава о банкротях 1800 г. Но надо иметь в виду, что Устав 1832 г. применялся только к случаям несостоятельности лиц, осуществлявших торговлю [7, с. 52]. Значение законодательного акта определялось еще и тем, что к его правовым положениям во многом отсылались нормы о криминальном банкротстве в принятом впоследствии Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

В целом Устав понимает под банкротством как неосторожное (без умысла и подлога), так и злонамеренное поведение субъекта-должника. Несчастная (форс-мажорная) несостоятельность банкротством не признавалась. Уголовная ответственность наступала исключительно за совершение злонамеренного банкротства. Отдельно была установлена уголовная ответственность за сокрытие («утайку») имущества (ст. 31 и п. 1 ст. 126 Устава) и внесение недостоверных сведений о кредиторских или дебиторских задолженностях в смету (ст. 31 и ч. 3 ст. 126 Устава). В качестве последствий таких действий Устав предлагал предание уголовному суду как за подлог, а при совершении указанных действий после принесения присяги – и за нарушение присяги. Перед проведением конкурсных процедур должник должен был заявить в коммерческом суде под присягой, что подлогов не совершал и имущество не утаивает.

Отношение к Уставу 1832 г. в отечественной доктрине было неоднозначным. Так, Г.Ф. Шершеневич оценивал его довольно критически. Сравнивая Устав с французским законодательством о несостоятельности, он отмечал, что «по полноте пос-

тановлений, по ясности положений Банкротский устав (1800 г.) стоит выше Устава о несостоятельности 1832 г., особенно если принять во внимание позднейшее время издания последнего и существование такого образца, как французское Торговое уложение» [8, с. 145]. В свою очередь А.Х. Гольмстен указывал, что этот Устав «внес много нового в наш конкурсный процесс», явился продуктом «всей предшествующей вековой кодификационной работы» [9].

Несмотря на все недоработки и противоречия, Устав о торговой несостоятельности действовал до Октябрьской революции 1917 г., да и потом некоторое время применялся судами в отсутствие норм, регламентирующих правила несостоятельности.

Вопросы об ответственности за преступления в сфере банкротства получили дальнейшее развитие в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., многие нормы которого, как уже говорилось, отсылали к положениям Устава 1832 г.

Согласно Уложению 1845 г. в зависимости от категории банкротства ответственность разграничивалась на гражданскую и уголовную. В первоначальной редакции Уложения уголовная ответственность за банкротские преступления предусматривалась в ст. 1582–1588 (в ред. 1885 г. – в ст. 1163–1168) гл. XII «О нарушении постановлений о кредите» разд. VIII «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния»¹ [10; 11].

Многие уголовно-правовые нормы о банкротстве содержали бланкетные диспозиции и ссылались на признаки, отраженные в Уставе о торговой несостоятельности 1832 г. Уложение установило ответственность для лиц неторгового сословия, а также руководителей акционерных обществ и товариществ, закрепило размеры наказания и восполнило пробелы в регулировании уголовной ответственности за неправомерные действия при банкротстве [1]. Были признаны уголовно наказуемыми передача и сокрытие имущества во вред кредиторам (ст. 1585), утаивание от кредиторов закладных писем (ст. 1587) и действия, препятствующие осуществлению процедуры банкротства (ст. 1588). Несостоятельность объявлялась неосторожной (ст. 1584) и именовалась простым банкротством, если произошла по вине купца, но без подлога и умысла, т. е. должник при ведении хозяйственной деятельности допускал расходы, явно не соответствующие доходам. Наказуемость простого банкротства сводилась к обязанности каждого купца погашать учиненные долги. К признакам простого банкротства, которые также описывались в Уставе 1832 г., относились:

- а) прием управляющих, неспособных правильно организовать работу предприятия, ведение дел таким образом, что наступил упадок торговли;
- б) открытие предприятия в долг или ведение дел на кредитные средства при отсутствии собственного капитала;

¹ При оформлении новых редакций Уложения, законодатель также изменял нумерацию статей уголовного закона.

в) принятие наследства, обремененного долгами;
г) ведение роскошной жизни, явно не соответствующей доходам;
д) неведение торговых книг или ведение их таким образом, что по ним невозможно определить состояние имущества и долгов, при отсутствии умысла и подлога [12].

В последующих редакциях Уложения 1845 г. определенным образом смягчались санкции за рассматриваемые деяния. Так, ответственность за злостное банкротство для лиц, осуществляющих торговлю, устанавливалась ст. 1582 Уложения 1845 г. (в первоначальной ред.), санкция которой предусматривала лишение всех прав и состояний и ссылку в Сибирь на поселение. Аналогичная норма, закрепленная в ст. 1163 (в ред. Уложения 1885 г.), предусматривала ответственность в виде лишения всех «прав и преимуществ и отдаче в арестантское отделение сроком от 4 до 5 лет». Наказание за неосторожное банкротство изначально предусматривало тюремный срок от 1 до 2 лет (ст. 1584 в ред. 1845 г.), затем было смягчено: лицо могло быть наказано тюремным заключением на срок от 8 месяцев до 1 года 4 месяцев и только «по требованию и усмотрению заимодавцев» (ст. 1165 в ред. 1885 г.). При этом основным наказанием в этом случае являлось «лишение прав торговли».

Коротко остановимся на регламентации ответственности за преступления в сфере несостоятельности в Уголовном уложении 1903 г. В этом кодексе уголовно-правовая охрана отношений между должником-банкротом, кредиторами и иными лицами, участвующими в процедуре банкротства, получила наиболее детальное и глубокое содержание по сравнению со всеми предыдущими правовыми актами Российской империи. Так, 22 марта 1903 г. императором Николаем II было утверждено новое Уголовное уложение [13], которое призвано было заменить законодательство 1845 г. и в котором были учтены произошедшие в России социальные, политические и экономические изменения. Характер и техника его нормативных установлений оказались таковы, что, несмотря на смену общественно-политического строя в 1917 г., они не утратили актуальности и оказали существенное влияние на содержание нормативных актов советского периода. В нем имелся и блок норм об ответственности за криминальное банкротство. Они, к сожалению, не нашли реализации в полном объеме на территории всей Российской империи.

Последнее объясняется тем, что во время принятия Уложения 1903 г. действовали ранние источники права, например Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г., Военский и Военно-морской уставы. Все это усложняло процесс унификации; многолетняя работа авторов Уложения 1903 г. так и не была приведена к логическому завершению – оно не вступило в силу в полном объеме. В 1904 г. были введены в действие его главы о государственных преступлениях, в 1906 г. – о религиозных, после были введены в действие около 30 статей других его глав. Действующим вплоть до 30 ноября 1918 г. оставалось Уложение 1845 г. Полностью уложение

действовало лишь на территории Латвии, Литвы и Эстонии [14]. В целом, как уже говорилось, применительно к регулированию ответственности за банкротство в Уложении 1903 г. можно отметить определенный прогресс, и в первую очередь с точки зрения юридической техники. К основным положительным моментам следует отнести:

- а) структурированное разделение Уложения на Общую и Особенную части;
- б) дифференциацию уголовных наказаний на главные, дополнительные и заменяющие;
- в) нормативное разграничение ролей в содеянном, более четкое выделение и описание соучастников [15].

Нормы об ответственности за преступную несостоятельность размещены в гл. 34 Уложения «О банкротстве, ростовщичестве и иных случаях недобросовестной наказуемости по имуществу». Однако нормы, непосредственно связанные с противоправным банкротством, закреплялись и в других главах. Так, в гл. 31 «О необъявлении о находке, присвоении чужого имущества и злоупотреблении доверием» устанавливалась ответственность для лиц, осуществляющих надзор за вверенным имуществом (в том числе конкурсной массой) и злоупотребляющих полномочиями во вред этому имуществу (ст. 577). В гл. 37 «О преступных деяниях по службе государственной и общественной» предусматривалась ответственность за нарушение правил проведения публичных торгов (ст. 681). Причем законодатель в этих нормах ужесточил наказание по сравнению с Уложением 1845 г.: злоупотребление полномочиями стало караться тюремным заключением, а нарушение правил публичных торгов – заключением в исправительном доме.

Глава 34 Уложения содержала 21 статью (599–619), из которых напрямую были связаны с банкротством только 8 (599–607), хотя в ст. 602 устанавливалась исключительно ответственность соучастников. Это не единственный, на наш взгляд, неудачный пример размещения в Особенной части положений, характерных для Общей части. В отличие от Уложения 1845 г., диспозиции указанных норм характеризовались очень подробным описанием признаков объективной стороны всех преступлений, связанных с банкротством. В ущерб бланкетному описанию ссылки на Торговые уставы отсутствовали, поскольку многие положения этих уставов были прямо перенесены в нормы уголовного закона, что делало их чрезвычайно казуистичными. Кроме того, громоздкость рассматриваемых уголовно-правовых запретов происходила по причине недостаточного использования в гл. 34 Уложения постатейных примечаний и внутренних отсылок¹, в которых в прежнем уголовном законе пропи

¹Причиной этого послужило негативное доктринальное отношение к институту нормативного примечания в 1900–1915 г. В подтверждение сказанного отметим принятие в Санкт-Петербурге ряда официальных Правил изложения законопроектов, в которых было закреплено требование к Особенной части акта – «избегать примечаний», в Общей части – «вовсе не допускать таковых» (ст. 5) [16].

сывались многие нормативные положения и которые в Уложении переключались в диспозиции норм о банкротстве и иных норм, также увеличивая их объем и нарушая принцип экономии законодательного материала, правил юридической техники о лаконичности, четкости и ясности уголовно-правового запрета. Это обстоятельство приводило к усложнению конструкции нормы, затруднению ее восприятия, а также к последующим проблемам в правоприменительной практике.

Вряд ли такой подход можно назвать разумным, продуктивным и обоснованным. Так, содержание практически всех постатейных примечаний, которые были закреплены прежде в статьях о банкротстве ранее действовавшего Уложения, перешло в редакции норм гл. 34 Уложения 1903 г. Встраивание объемных правовых определений в диспозиции некоторых норм превращало последние в громоздкие описательные конструкции, чего можно было избежать при вариативном использовании следующих приемов законодательной техники: 1) *бланкетного* (по способу изложения), 2) *смешанного* (по степени обобщения конкретных показателей нормы), 3) *примечания* (по месту расположения вспомогательного нормативного текста).

Казуистичность многих исследуемых диспозиций также обусловлена нарушением правил применения языковых средств. К примеру, в ст. 601 законодатель восемь раз перманентно использует лингвистическую связку – «установление, товарищество или общество», несмотря на то, что уже после первого упоминания понятен адресат запретительных действий. В этой же плоскости лежит неоправданное последовательное использование синонимичных понятий, например «расстройство», «порядок дел»¹ [17, 18] и т. д.

В качестве положительных нормативных решений можно указать на расширение сферы криминального поведения субъектов, когда закон стал предусматривать наказание как за преступное уменьшение активов, так и за увеличение пассивов должника. При этом перечень противоправных способов воздействия на конкурсную массу стал открытым. Также были расширены признаки объективной стороны за счет новых понятий, более соответствующих правовому и экономическому укладу начала XIX в.: «ложные показания об имуществе», «умолчание», «выдача уменьшающих конкурсную массу обязательств», «передача», «переукрепление» и т. п. В гл. 34 Уложения, закрепляя некоторые признаки, законодатель пытается уходить от казуистического описания, применяя абстрактные конструкции. Так, при описании неправомерных действий при банкротстве не раскрываются детально такие термины, как «сокрытие» и «утаивание», как это было ранее в Уставах о банкротях и Уставе о торговой несостоятельности. Тем не менее этот пример скорее исключение, чем правило.

¹ Применительно к оценке деятельности хозяйствующих субъектов в экономической сфере, доктрина и практика того времени определяла данные понятия как равнозначные.

Если говорить об основных линиях дифференциации ответственности, то законодатель в зависимости от характера вины предусмотрел два вида преступного банкротства: а) умышленное и б) неосторожное. Такая дифференциация ответственности дополнительно «привязана» к разграничению субъектов преступления. Так, за неосторожное банкротство ответственность мог нести только специальный субъект, который принадлежал к торговому сословию (занимался торговлей, коммерческой деятельностью); за умышленное – общий субъект.

Правовой характер субъекта влиял и на наказуемость при совершении умышленного преступления: частные лица подлежали заключению в исправительных домах на срок до трех лет, а лица торгового сословия – до восьми лет.

Следующая линия дифференциации ответственности проходила в рамках причиненного ущерба. Так, в ст. 600, 601 Уложения указывалось, что «если, по значительности вреда, произошли важные ущерб казне, или расстройство, или упадок дел кредитного установления, или разорение многих лиц, то виновный наказывается как торгой не свыше восьми лет». В данном случае описывается квалифицированное поведение, поскольку наказание, закрепленное в первом абзаце статьи (основной состав), предусматривает заключение в исправительный дом не ниже трех лет. Закон не использует численную и буквенную нумерацию для описания более опасного поведения лица, но выделение отдельного специального абзаца и очевидное ужесточение санкции говорят о понимании законодателем необходимости учета и отражения разных уровней степени общественной опасности содеянного.

В советский период по понятным причинам законодательство о криминальном банкротстве отсутствовало. Правда, в 1918 г. Наркомюстом было разработано Советское уголовное уложение, в гл. 26 которого имелись нормы о несостоятельности, почти дословно перенесенные из Уголовного уложения 1903 г. Так, в ст. 275 устанавливалась наказуемость виновного в легкомысленном ведении торговых дел или расточительности, причинившие ему несостоятельность, а в ст. 276 – заведующего и распоряжающегося делами общественного или частного кредитного управления, товарищества или общества, в расточительстве по делам их, если такое ведение дела или расточительность причинили прекращение этим установлением, товариществом или обществом платежей или объявление их несостоятельности [19].

Данное Уложение практически забыто теоретиками. Причем его судьба плачевнее Уголовного уложения 1903 г. До сих пор точно не установлено, вступило ли оно в силу или осталось только проектом; доподлинно можно утверждать лишь одно: на практике оно не применялось [19, с. 5].

Анализ развития отечественного права об ответственности за криминальное банкротство позволяет сделать следующие выводы.

1. Во всех периодах уголовно-правового регулирования сферы несостоятельности (со времен Русской правды до Уголовного уложения 1903 г.) законодатель пре-

дусматривал ответственность за неосторожное криминальное банкротство. Диспозиции норм о банкротстве развивались от простых описательных форм к достаточно казуистичным громоздким предписаниям в Уголовном уложении 1903 г. В Уголовном уложении о наказаниях уголовных и исправительных в конструкциях уголовно-правовых запретов, напротив, активно используются бланкетные и отсылочные диспозиции, что способствовало значительной экономии нормативного материала и лаконичности в описании конкретного преступления. На наш взгляд, с точки зрения законодательной техники данный кодифицированный акт отличался в выгодную сторону.

2. На протяжении XVII – начала XIX вв. отечественное законодательство о криминальном банкротстве развивалось бессистемно и противоречиво и в значительной степени не соответствовало потребностям складывающейся правоприменительной практики. В определенной степени это объяснялось отсутствием в России актуальной отраслевой нормативной правовой базы об институте несостоятельности, на которое опиралось построение уголовно-правовой охраны хозяйственных отношений в сфере кредитования. Слепое копирование европейского права о несостоятельности и отсутствие отечественных традиций в конструировании норм экономического права длительное время не позволяли эффективному построению законодательного института несостоятельности. Этот недостаток поступательно устранялся с момента принятия Устава о банкротях 1800 г. и Уголовного Уложения 1845 г.

Список источников

1. Куркин П.Д. Ответственность за несостоятельность (банкротство) должника в России с XVIII по XXI в. // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8. С. 34.
2. Устав о банкротях // Полное Собрание Законов Российской Империи. 1830. Собрание первое. Т. 26. 1800–1801 гг. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. С. 123.
3. Телюкина М.В. Основы конкурсного права. М., 2004. С. 67.
4. Лабазанова М.А. История зарождения и развития законодательства о несостоятельности (банкротстве) в России // Юридическая наука. 2020. № 8. С. 11–15.
5. Устав о банкротях от 19 декабря 1800 г. URL: <https://base.garant.ru/55003854>
6. Толковый словарь Даля. 1880. Т. 3. URL: <https://www.booksite.ru/full-text/dal/01/12-93.htm>
7. Вакутин А.А. История развития уголовной ответственности за неправомерные действия при банкротстве в законодательстве Российской империи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 1-2 (27). С. 50–54.
8. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т. 4. Торговый процесс. Конкурсный процесс. М., 2003. 548 с.

9. Михайликов В.Л. Правовое регулирование торговой несостоятельности в период с начала XVIII до середины XX веков // Вестник БелЮИ МВД России. 2011. № 2. С. 7–10.
10. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Редакция от 15 августа 1845 года. URL: <http://музейреформ.рф/node/13654>
11. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Редакция от 25 ноября 1885 года. URL: https://pravo.by/upload/pdf/krimpravo/ulogenie_o_nakazaniyah_ugolovnih_i_ispravitelnih_1845_goda.pdf
12. Скреля К.Ю. Из истории законодательной мысли – анализ «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» от 1845 года // Научный вестник Крыма. 2019. № 4. С. 12.
13. Новое уголовное уложение (Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года). СПб., 1903. 253 с.
14. Уголовное право России. Практический курс / под общ. ред. А.И. Бастрыкина; науч. ред. А.В. Наумова. М., 2007. 783 с.
15. Абсарова Л.И. Уголовное уложение 1903 года // Право и государство: история и современность, перспективы развития. Стерлитамак, 2018. С. 4.
16. Правила изложения законопроектов: выработаны особым совещанием из чинов Государственной канцелярии и канцелярии Государственной Думы. СПб., 1913. 33 с.
17. Банкротство. Законодательство и практика применения в России и за рубежом. М., 1993. 116 с.
18. Беркович Н.В. Банкротство: Уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 206 с.
19. Грачева Ю.В., Маликов С.В., Чучаев А.И. Советское уголовное уложение (научный комментарий, текст, сравнительные таблицы). М., 2015. 253 с.

References

1. Kurkin P.D. *Otvetstvennost' za nesostoyatel'nost' (bankrotstvo) dolzhnika v Rossii s XVIII po XXI v.* [Liability for the insolvency (bankruptcy) of a debtor in Russia from the 18th to the 21st centuries]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2019, no. 8, pp. 34.
2. Charter on Bankruptcy. In: *Complete Collection of Laws of the Russian Empire*. 1830. First meeting. T. 26. 1800–1801. St. Petersburg, 1830, pp. 123. (In Russ.).
3. Telyukina M.V. *Osnovy konkursnogo prava* [Fundamentals of competition law]. Moscow, 2004. 506 p.
4. Labazanova M.A. *Istoriya zarozhdeniya i razvitiya zakonodatel'stva o nesostoyatel'nosti (bankrotstve) v Rossii* [History of the origin and development of legislation on insolvency (bankruptcy) in Russia]. *Yuridicheskaya nauka*, 2020, no. 8, pp. 11–15.

5. Charter on Bankruptcy of December 19, 1800. URL: <https://base.garant.ru/55003854> (In Russ.).

6. Dahl's Explanatory Dictionary. 1880. Vol. 3. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/dal/01/12-93.htm>. (In Russ.).

7. Vakutin A.A. Istoriya razvitiya ugolovnoi otvetstvennosti za nepravomernye deistviya pri bankrotstve v zakonodatel'stve Rossiiskoi imperii [History of the development of criminal liability for unlawful actions in bankruptcy in the legislation of the Russian Empire]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2013, no. 1-2 (27), pp. 50–54.

8. Shershenevich G.F. Kurs torgovogo prava. T. 4. Torgovyi protsess. Konkursnyi protsess [Trade law course. Vol. 4. Trading process. Competitive process]. Moscow, 2003. 548 p.

9. Mikhailikov V.L. Pravovoe regulirovanie torgovoi nesostoyatel'nosti v period s nachala XVIII do serediny XX vekov [Legal regulation of trade insolvency in the period from the beginning of the 18th to the middle of the 20th centuries]. *Vestnik BelYuI MVD Rossii*, 2011, no. 2, pp. 7–10.

10. Code on criminal and correctional punishments of 1845. Revision dated August 15, 1845. URL: <http://museumreform.rf/node/13654>. (In Russ.).

11. Code on criminal and correctional punishments of 1845. Revision dated November 25, 1885. URL: https://pravo.by/upload/pdf/krimpravo/ulogenie_o_nakazaniyah_ugolovnykh_i_ispravitelnykh_1845_goda.pdf (In Russ.).

12. Skrelya K.Yu. Iz istorii zakonodatel'noi mysli – analiz “Ulozheniya o nakazaniyakh ugolovnykh i ispravitel'nykh” ot 1845 goda [From the history of legislative thought - analysis of the “Code on Criminal and Correctional Punishments” of 1845. *Nauchnyi vestnik Kryma*, 2019, no. 4, pp. 12.

13. New criminal code (Highly approved on March 22, 1903). St. Petersburg, 1903. 253 p. (In Russ.).

14. Bastrykina A.I. (ed.). Ugolovnoe pravo Rossii. Prakticheskii kurs [Criminal law of Russia. Practical course]. Moscow, 2007. 783 p.

15. Absatarova L.I. Ugolovnoe ulozhenie 1903 goda [Criminal Code of 1903]. In: *Pravo i gosudarstvo: istoriya i sovremennost', perspektivy razvitiya* [Law and State: history and modernity, development prospects.]. Sterlitamak, 2018, pp. 4.

16. Rules for the presentation of bills: developed by a special meeting of officials of the State Chancellery and the Chancellery of the State Duma. St. Petersburg, 1913. 33 p. (In Russ.).

17. Bankruptcy. Legislation and application practice in Russia and abroad. Moscow, 1993. 116 p. (In Russ.).

18. Berkovich N.V. Bankrotstvo: Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty [Bankruptcy: Criminal legal and criminological aspects]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Saratov, 2002. 206 p.

19. Gracheva Yu.V., Malikov S.V., Chuchayev A.I. Sovetskoe ugolovnoe ulozhenie (nauchnyi kommentarii, tekst, sravnitel'nye tablitsy) [Soviet criminal code (scientific commentary, text, comparative tables)]. Moscow, 2015. 253 p.

Информация об авторе

И.Н. Русяев – вице-президент ассоциации «Региональная саморегулируемая организация профессиональных арбитражных управляющих», г. Москва, Россия; аспирант кафедры уголовного права Юридического факультета, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

Information about the author

I.N. Rusyaev – Vice-President of the Association "Regional Self-regulating Organization of Professional Arbitration Managers", Moscow, Russia; postgraduate student of the Department of Criminal Law, Faculty of Law, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia.

Статья поступила в редакцию 06.11.2023; одобрена после рецензирования 06.12.2023; принята к публикации 30.01.2024.

The article was submitted 06.11.2023; approved after reviewing 06.12.2023; accepted for publication 30.01.2024.